

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Александр Логачев

КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

*Болтунам
не место
на оперативной
работе*

ЛЕНИНГРАД-39

«КРЫЛОВ»

Капитан госбезопасности

Александр Логачев

**Капитан госбезопасности.
Ленинград-39**

«Крылов»

2016

УДК 177.5
ББК 88.5

Логачев А.

Капитан госбезопасности. Ленинград-39 / А. Логачев —
«Крылов», 2016 — (Капитан госбезопасности)

ISBN 978-5-4226-0273-5

Накануне советско-финской войны активизируются вражеские разведки. Финская разведка отправляет в Ленинград своего самого ценного агента, до того «законсервированного» и приберегаемого на крайний случай. Ему дано задание особой важности – такой важности, что разрешено задействовать все резервы финской резидентуры и позволено прибегать к любым, даже самым радикальным методам, другими словами – не останавливаться ни перед чем. Вычислить шпиона и задержать предстоит капитану госбезопасности Шепелеву и его опергруппе.

УДК 177.5
ББК 88.5

ISBN 978-5-4226-0273-5

© Логачев А., 2016
© Крылов, 2016

Содержание

Капитан госбезопасности: Ленинград-39	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Логачев

Капитан госбезопасности. Ленинград-39

© Логачев А., 2016

© ИК «Крылов», 2016

* * *

Капитан госбезопасности: Ленинград-39

Глава первая Кот маршала Маннергейма

«На маленьком челне по большому озеру не плавают».
Финская поговорка.

Улыбка действовала безотказно. Казалось, что ее хозяин преисполнен к вам обожания, готов вам служить и от вас у него не может быть никаких тайн.

Такому человеку хотелось протянуть руку. Что Маннергейм и сделал, поднявшись из-за массивного стола (вся мебель в кабинете маршала гармонировала с его высоким ростом и званием) и выйдя навстречу. Полковник Меландер, начальник финской разведки, пожал ее и сел в кресло, на которое приглашающим жестом указала рука главнокомандующего. Барон вернулся за стол, откашлялся.

– Было бы глупо начинать в разговоре с вами с оборота «а знаете ли вы». Разумеется, знаете.

Маршал расстегнул ворот. Разошлись в стороны, как воротные створки, золотые петлицы в серебряной окантовке с тремя генеральскими коронованными львами поверх серебряных изогнутых дубовых листьев, перед которыми скрещивались маршальские жезлы, вышитые золотом поперек петлиц.

– Знаете, что правительство не изменит своего решения. Знаете, что Сталин не пугает, он пойдет до конца. Значит, войны нам не избежать. Все словно ослепли! – Взметнулись серые рукава куртки, крупные ладони сжались в кулаки и опустились на зеленое сукно стола. Подпрыгнули карандаши и перья в выемке мраморной подставки и стопка полевых карт, соскочила крышка граненой чернильницы синего стекла. Осталась незыблемой лишь бронзовая конная статуэтка Николая Второго. – Сдается, только я и Паасикиви¹ сохранили глаза. Только мы двое! Чтобы мы не говорили им – наши слова отскакивают, как пули от гранита. Мы устали кричать и убеждать.

Маршал вырвал себя из-за стола, оттолкнувшись кулаками от столешницы. Стал мерить шагами кабинет. Звякали шпоры. Маннергейм не снимал их – старый кавалерист², он любил озвучивать шаги мелодией металла, она отгоняла от головы вредные гражданские глупости.

За главнокомандующим финской армией бароном Карлом Густавом Эмилем Маннергеймом, со сложенными за спиной руками пересекающим широким шагом кабинет в своей ставке, расположенной под городом Миккели, следили четыре глаза: два человеческих – полковника Меландера, два – кошачьих.

Кот маршала Маннергейма был толстым, мохнатым финским котом с черной шерстью бурого отлива при белой груди и носил имя Филька, которым его одарила русская жена барона. Филька (привыкший откликаться и на Фиилиа) любил куриные головы, свежие сливки и мятные пастилки «Калевала» и не переносил этого двуногого, что занимал сейчас второе, гостевое, кресло. Того, который всегда приносил с собой запахи слащавой воды для обрызгивания лица, свиных колбасок и пороха. Кот готов был, если этот бесхвостый подни-

¹ Паасикиви Ю. К. – финляндский государственный и политический деятель, дипломат.

² Маннергейм К. Г. Э. был в прошлом генерал-лейтенантом русской кавалерии.

мется и подойдет поближе, зашипеть, потом изловчиться и цапнуть его. Но – кот чувствовал это – двуногий не подставится так глупо, он хитрый и осторожный, как та пакостная мышь, что живет за шкафом с пузатыми ножками, которую Филька не может изловить вот уже год.

Маршал остановился возле окна, оперся кулаками о подоконник.

– Боюсь, теперь уже в любом случае поздно. Даже если наши политики одумаются и согласятся пойти на уступки, Сталин и Молотов примут от нас только самый жесткий вариант и никакого другого. А наши политики опять встанут на дыбы и упрутся, как ослы.

За окном покачивались в такт ноябрьскому ветру зеленые конусы могучих вековых сосен, хвоя сыпалась с них на мшистые валуны, на холодную северную землю. Вдали оловянно блестел край лесного озера. Издалека чувствовался осенний холод его воды.

– Эх! – Маннергейм повернулся и рубанул ладонью воздух, как саблей махнул. – Но почему не взять было за основу первоначальное предложение Сталина! Ну, отодвинули бы мы границу на сорок миль на Карельском перешейке, Советы же отдавали нам взамен территорию в два – в два! – раза большую. А в остальном ведь можно было торговаться. Вместо полуострова Ханко отдали бы им в аренду несколько прибрежных островов. Нам бы удалось добиться от Сталина разрешения построить укрепления на Аландских островах. От претензий на Сурсари³ коммунисты бы в конечном счете отказались. Эх, теперь из-за тупости наших политиканов и их ослиного упрямства польется рекой финская кровь.

У большого хозяина изменился голос, и кот испугался, что хозяин в таком состоянии может начисто позабыть о нем и, уходя, закрыть в кабинете, как уже бывало. Надо не опоздать и прошмыгнуть в дверь первым.

Кот и начальник финской разведки проследили, как маршал прошел от окна к противоположной стене, на которой в резной, портретной раме из карельской березы висела огромнейшая карта Финляндии.

– Я не спал эту ночь, полковник, – произнес барон, стоя к Меландеру спиной. – Эти мерины из правительства могут спать спокойно, того не понимая, что их расстреляют у одной стены вместе со мной. Вот!

Широкая ладонь маршала накрыла участок между Ладожским озером и Финским заливом перед Виипури⁴. Где штрих-пунктиром, кружками и воткнутыми булавками с флажками была отмечена полоса обороны, получившая в Финляндии название Линия Маннергейма.

– Я смогу продержаться две недели. Только на этом участке. Не более двух недель! Когда русские прорвут мою оборону, их лавина галопом покатится по Суоми, никем не сдерживаемая, сметая и вырезая все на своем пути. И они дойдут до Хельсинки за несколько дней.

Маршал убрал руку с карты, повернулся и пристально взглянул в глаза начальника разведки.

– Вы согласны со мной, полковник?

Меландер вскочил с кресла и вытянулся по стойке смирно.

– Совершенно согласен, господин маршал.

Маннергейм жестом показал «садитесь, ни к чему эти игры». Полковник сел.

– Я хочу знать ваше мнение. Что вы думаете, каково будет политическое развитие ситуации в случае войны? – В ожидании ответа, барон оглаживал драгунские усы. Долго ждать не пришлось. Полковник Меландер заговорил быстро и уверенно, как и должен говорить человек, давно просчитавший наперед ход событий.

– Лига Наций непременно и незамедлительно осудит агрессию и, скорее всего, исключит СССР из своего состава. Сталин давно готов к разрыву с Лигой, эта мера не окажет

³ Гогланд.

⁴ Выборг.

на него никакого воздействия. Члены Лиги Наций призвут оказать Финляндии поддержку. Можно рассчитывать на серьезную помощь от Швеции, Норвегии, Англии, Франции и США. Но тут в ситуацию вмешается германский фактор.

Голос этого двуногого раздражал кота маршала Маннергейма своей равнотекучестью, будто лилась из крана вода, а воду Филька ненавидел.

– Гитлер сейчас играет в горячую дружбу со Сталиным и официально поддержит красных. Германия не даст провозить через свою территорию военные грузы. Разумеется, и сама не продаст нам ни патрона. Более того и хуже того – отрабатывая недавний пакт о ненападении⁵, в секретной части которого, как известно, Финляндия отнесена к советской сфере влияния, Гитлер надавит на Швецию и Норвегию, и те будут вынуждены считаться с этим давлением. Есть основания полагать, что соседи под немецким прессом откажут англичанам и другим странам в провозе через свою территорию войск и оружия...

Меландер говорил, а Маннергейм вновь пересек кабинет под внимательным взглядом кота (Филька любил смотреть за игрой при ходьбе двойных генеральских лампасов на синих кавалерийских рейтузах). Теперь маршал стоял у ковра, на котором висела черкесская сабля в посеребренных ножнах, казацкая пика и пистолет-пулемет «Суоми». Барон провел пальцем по серебряным завиткам на ножнах, коснулся эфеса. Маннергейм слушал Меландера и вспоминал прошлогодний теплый вечер на Вуокси под Кякисальми⁶...

После удачной рыбалки они сидели у костра с прежним начальником разведки полковником Свенсоном. Невдалеке, у другого костра, переговаривались солдаты взвода охраны. На фоне вечерней зари чернели силуэты стреноженных коней, щиплющих траву меж валунов каменистого берега. Лошади мерно переступали, фыркали и били хвостами по туловищу. С реки доносились всплески – охотилась друг на друга рыба. Маршал пригласил полковника на Вуокси для того, чтобы сообщить – он хочет назначить на его место нового начальника разведки, полковника Меландера. Барон Маннергейм не любил в отношениях со старыми боевыми товарищами интриги и обходные маневры.

Свенсон выслушал новость спокойно. Ни о чем не стал спрашивать. А сказал:

– Наверное, так и надо.

Полковник сидел на камне, подложив под себя шинель, и чистил выловленную рыбу. Его пуукко⁷ вспорол брюхо подлещика, полетели на землю потроха, отсеченные голова и хвост, лезвие заходило по рыбьему боку, соскабливая чешую. Маннергейм подбросил в огонь валежник, он молчал, ожидая – скажет ли полковник что-нибудь еще. Вычищенный подлещик упал в походный армейский котелок, поверх толстобочного язя. Свенсон вытянул руку, разжал ладонь, показывая свой нож с рукоятью из оленьего рога.

– Пуукко. Он годится для всего и используется везде. Резать хлеб, свежевать дичь, вонзаться в тело врага, – полковник вытер нож об траву и убрал его в кожаные ножны, подвешенные к левому боку. – Форма скальпеля, как известно, скопирована с нашего пуукко. Скальпель годится только для хирургических операций. Прошло время пуукко, настало время хирургических операций. Я понимаю.

Потом, промыв рыбу в речной воде, набрав в котелок воды и вернувшись к костру, Свенсон продолжил:

– Меландер похож на хирурга в маске. Скальпелем работает уверенно, а его настоящего лица не видно. Никто не может сказать, что он за человек. Даже никто не может толково описать его внешность. Имевшие с ним дело говорят лишь о своих впечатлениях от Меландера. Впечатления получаются разные. Наверное, для разведчика это неплохо.

⁵ Пакт Молотова-Риббентропа от 23 августа 1939 года.

⁶ Ныне – река Вуокса и город Приозерск.

⁷ Финский нож.

Свенсон подвесил котелок над огнем и закончил свою мысль:

– Я понимаю – пришло время Меландера...

Вот что вспомнилось Маннергейму сейчас, когда он стоял возле ковра с оружием. Когда хозяин предавался думам, Филька беспокойно ерзал, чесал лапой грудь и за ушами. Кот почуял, что где-то в мыслях хозяина плавала рыба. А Меландер тем временем говорил:

– Наиважнейший стратегический вопрос – пошлют ли Великобритания и Франция свои войска. Мое мнение – позиция Германии и нерешительность скандинавов вынудят их отказаться от этой идеи. И англичане с французами ограничат свое участие в войне отправкой оружия. Вся помощь пойдет обходным и долгим путем: морем до Норвегии, затем сушей через Швецию. Оружия будет недостаточно, еще меньше содействия следует ожидать в живой силе. Здесь рассчитывать приходится на отдельных добровольцев, главным образом, на шведов. Итак, резюмирую – биться придется практически в одиночку. Я все сказал, господин маршал.

Барон Маннергейм, вернулся к столу, сел за него. Огладил усы, посмотрел на своего кота. Филька, встретив взгляд хозяина, зевнул во всю пасть и принялся вылизывать лапу.

– Могу вам сказать, полковник, что я пришел к тем же выводам, – сказал барон. – Главнейшим вопросом для нас является позиция Германии. Потому что войны не избежать! Потому что Каллио – осел. Потому что Эркко – мерин⁸. Этот мерин заявил в Москве, что, видишь ли, у финнов сейчас есть дела поважнее. Повторит ли он тоже самое у расстрельной стены?

Главнокомандующий вытащил из кармана рейтуз сине-белый платок и утер со лба выступивший пот.

– Единственное на что мы можем рассчитывать в предстоящей войне – измотать красных, заставить их увязнуть в нашей линии обороны и добиться заключения мира на приемлемых условиях. Для этого нам необходимы иностранные войска и оружие, как можно больше и того, и другого. Потому надо что-то делать с германской позицией. Можем ли мы если не изменить ее, то хотя бы поколебать, полковник?

На этот раз Меландер ответил не сразу, видимо, вопрос застал его врасплох.

– Не вижу, как это сделать. Контакт с абвером и лично с адмиралом Канарисом, пожалуй, не хватит...

– Нет ничего невозможного. Ведь это же ваши слова, полковник. Не так ли? – не дав полковнику ответить, маршал продолжил: – Вот что я подумал... Прошедшая без сна ночь натолкнула меня на одну мысль, – Маннергейм словно прислушался к чему-то, словно за окном проходил кавалерийский эскадрон. Но, видимо, он прислушивался к своим сомнениям. – По вашим же сведениям, полковник, русские создали новый тяжелый танк. И даже успешно провели его испытания. По вашим же утверждениям, этот танк – нечто невиданное. Непробиваемый и сверхпроходимый. И подобного нет ни у немцев, ни у кого другого в мире. Только у русских.

Кот чувствовал, с каким отвращением его хозяин выговаривает непонятное слово «танк». Филька не мог знать, что его хозяин ненавидит танки так сильно, как может ненавидеть железных коней только старый кавалерист.

– Как вы думаете, полковник, – спросил маршал, – на что готовы пойти немцы за обладание чертежами этого танка? Если учесть, что Гитлер, несмотря ни на какие пакты о дружбе, видит в Советской России своего главного противника?

Начальник разведки улыбнулся. Когда Меландер улыбался, никто не смог бы угадать в нем начальника разведки, так и тянуло сказать: «Ну, что вы, какой он начальник, какой

⁸ Каллио – президент Финляндии, Эркко – министр иностранных дел.

разведки. Открытый, простодушный человек». А улыбнулся Меландер, потому что угадал ход мыслей главнокомандующего.

– По крайней мере, – ответил полковник, – немцы смогли бы тогда ограничить свое воздействие на конфликт пассивным нейтралитетом. Это бы не противоречило бы их пакту с красными и открыло бы путь английским и французским войскам.

– И нам это дало бы шанс на выход из войны малой кровью, – добавил Маннергейм. – Тогда поговорим о возможном и невозможном.

– Добыть чертежи танка не менее сложно, чем пригнать в Германию сам танк. То есть совершенно невозможно, – сказал Меландер, и его улыбка стала еще шире.

– Вы предлагаете, – Маннергейм выдвинул ящик стола, – передать адмиралу Канарису ваши мифы о непобедимости танка русских, а вместо чертежей отдать вот этот ваш... С просьбой передать лично Гитлеру.

Маршал вытащил из ящика лист бумаги, на котором синела трава, белели кривые ромашки и зеленел однобашенный танк, намалеванный детской рукой. На башне танка красным карандашом было выведено «КВ». Маннергейм бросил рисунок на стол.

– Совершенно невозможно добывать какие-либо секреты в Советской России, – продолжал Меландер, не переставая улыбаться. – Сама страна – закрытая, строго охраняемая территория. Внутри все друг за другом следят и друг на друга доносят. Хватают по малейшему подозрению. Засекречено все без исключения. А к настоящим секретам на пушечный выстрел не подпустят. Чтобы завладеть чертежами, надо вскрыть не один сейф, потом как-то вынести эту чудовищную груду бумаги. Даже проникнуть на завод, где проектируются эти танки – задача невыполнимая. Тем более, как я понимаю, работа предстоит срочная, длительные разработки не годятся. Тем более невыполнима задача для моей резидентуры в Ленинграде, она малочисленна и не подготовлена к операциям подобной сложности.

Кот маршала Маннергейма увидел, что хозяин закипает. И злит его этот двуногий с запахом свиных колбасок. Филька выпустил когти и вонзил их в обшивку кресла. А если, подумал кот, подбежать и цапнуть двуногого за руку, что свешивается с подлокотника, а потом броситься под защиту хозяина?

– Но нет ничего невозможного, господин маршал, – полковник Меландер поднялся со своего кресла, улыбка ушла с его лица, уступив место выражению полной сосредоточенности. – В этом мире нет ничего невозможного, господин маршал. Вопрос возможности и невозможности – это всего лишь вопрос готовности к жертвам и затратам.

– И как вы намерены действовать, полковник? О каких жертвах и затратах вы говорите? – Маннергейм тоже поднялся из-за стола, сложил руки за спиной и вскинул голову.

Кот Филька убрал когти в подушки, а лапы – под себя, увидев, что его хозяин успокаивается.

– Помните, господин маршал, я вам рассказывал об одном человеке...

– А-а, – кивнул Маннергейм, – некий русский, которого вы бережете, как говорят те же русские, на черный день. С выдающимися способностями.

– Да, он самый. Он стоит всех моих агентов и в придачу всех агентов абвера на территории Советской России. Более талантливого разведчика я не встречал и о таких не слышал. Он способен подчинить себе любую ситуацию и любого человека.

– Он еще, кажется, вы говорили, отменный боец? – Маршал вернул в ящик стола детский рисунок.

– Так точно. Великолепный стрелок, гимнаст и знаток борьбы. И умения постоянно совершенствует. К тому же у него звериное чутье на опасность, стопроцентная нервная выдержка и бешеная ненависть к большевикам. Если вы подтвердите, что настал черный день, то я готов ввести в дело моего человека.

– Да, – твердо сказал маршал, – сейчас именно такой день. Решается судьба Финляндии и наши судьбы.

– Но на этом человеке необходимые жертвы и затраты не исчерпываются, – и Меландер неожиданно взглянул на кота маршала Маннергейма – словно иглы всадил в зеленые кошачьи глаза. Филька выгнул спину, шерсть на загривке стала дыбом.

– Что еще? – спросил маршал.

– Возможно, придется пожертвовать частью моей ленинградской резидентуры, – полковник Меландер оторвал взгляд от кошачьих зрачков, перевел его на увенчанной шведской короной вензель из двух букв «F» на маршальском погоне⁹. – Если не всей вообще. Если игра того стоит...

– Игра того стоит, полковник, – в голосе главнокомандующего слышалось раздражение. Ну, сколько можно об одном и том же – что на Финляндию надвигается Апокалипсис. Чего ж еще ждать, какой же еще вам черный день требуется? – И он, этот ваш герой, полковник, решит неразрешимый вопрос?

– Да. Хотя бы потому, что я вижу, как его можно решить.

– Ведь вы сами только что толковали мне о невозможности выкрасть чертежи, не говоря уж о танке.

– Ничего этого и не потребуется. Я обдумаю детали и готов доложить план целиком сегодня вечером, а также представить вам того человека, о котором сообщил. Разрешите идти?

– Идите, полковник.

Меландер повернулся на каблуках, проследовал к лосиному рогу, укрепленному рядом с дверью, снял с него фуражку.

– А скажите, полковник, – сказал маршал, – как вы оцениваете противника на сегодняшний день? Вашего непосредственного противника. Русскую контрразведку.

Надев фуражку, поправив козырек, Меландер ответил:

– У них, как и у немецкого гестапо, прекрасно отлажена система тотального сыска. Им помогает подконтрольность всего населения и упрощенная процедура дознания. Потому противник крайне опасен. Но есть в русской системе слабость, которая отличает ее от системы немецкой. У красных мало настоящих, сильных профессионалов. Но, к сожалению, как раз в Ленинграде есть очень опасный человек, можно сказать, русский Шелленберг... Дьявол! – вскрикнул Меландер. И отпрыгнул к двери, на пол кабинета полетела полковничья фуражка.

Все-таки он сделал это. Кот маршала Маннергейма. Он подобрался к мерзкому дуногому, преодолевая отвращение от запаха свиных колбасок и воды для обрызгивания лица, подпрыгнул, вонзил когти в колено бесхвостого и, бросившись наутек, укрылся под креслом. Полковник с гримасой боли тер поврежденное колено и качал головой. А маршал Маннергейм спрятал улыбку в драгунские усы...

⁹ Эмблема Нюландского драгунского полка. Некоторые генералы и офицеры финской армии носили на погонах эмблемы полков, в которых раньше служили. Эта традиция и некоторые другие, перешедшие из русской армии в финскую, поддерживались и сохранялись маршалом Маннергеймом.

Глава вторая

В город, знакомый до слез

*На траву легла роса густая,
Полегли туманы широки...
В эту ночь решила вражья стая
Перейти границу у реки.*

Песня из к/ф «Танкисты»

В разных концах вагона вспыхивали краткие и затяжные приступы утреннего кашля курильщиков.

– Милок, окошко-то приоткрой, продышимся чуть! Натопили сил нет, черти окаянные.

Старуха оправляла шерстяной платок на голове и выжидающе на него смотрела. Ему стало смешно. Ну разумеется, к кому обращаться с просьбами простой советской бабке как не к иностранному шпиону. Тем самым привлекая к нему внимание соседей по вагону: сидящих и тем более стоящих.

– Изжариться боишься, бабуся? – он гоготнул. Потом заговорил серьезно и с напором: – А как сквозняк! Как проберет! Прямо ж на меня струя пойдет. Хочешь, чтобы я на работу завтра не вышел?

Можно было понять старушку. В вагоне пригородного «паровика» и впрямь было душно. В середине ноября топили, как в разгар крещенских морозов. Первое что ему бросилось в глаза, когда в Лисьем Носу он забрался в «паровик» – пылающая красным пасть топки. В вагонную печь как раз подбросила железной лопаткой очередную порцию угля женщина-кондуктор, после с грохотом захлопнула дверцу и распрямилась, встречая новых пассажиров. Пройдя в вагон, он попал в самую настоящую сауну, тут же развернулся, вновь вышел в тамбур и перешел через открытую площадку в соседний вагон. Но и там он нашел такую же тропическую жару. Отчаявшись сыскать лучшую долю, там и остался.

– Эй, мужик, если ты такой трухлявый, сидай на мое место, – взял сторону бабки парень в кепке со сломанным козырьком, сидевший на краю скамьи. Парень дернул кепку за козырек и отплюнул в проход семечную шелуху. – Ща, бабуха, организуем фрамугу.

Он, «трухлявый», принял рокировку и пересел на место парня в кепке. Проскрипело опускаемое окно. В щель вместе с осенним воздухом ворвался паровозный дым и перемешался с другими вагонными ароматами: пота, пропахшей дымом одежды, прелой травы, антоновских яблок, дешевых духов. Он вдруг подумал о том, что за последние три года привык к похожему, патриархальному набору запахов: свежесть хвойного леса, благоухающие смолой разогретые доски сауны, пахнувшая парным молоком кожа его жены Хельги.

В вагонной духоте его разморило. Сказывалась бессонная ночь. Ночью его на аэроплане английского производства доставили в окрестности Териоки, оттуда на шеститонном танке «Виккерс» отвезли в пограничный район. Дальше он шел пешком, ориентируясь по компасу и карте. Выйдя к реке Сестре¹⁰, он разделся, уложил одежду в резиновый мешок и добрался до советского берега вплавь.

В холодной воде, в которую обыкновенный человек и ступить бы не решился, а если бы решился, то его скрутили бы судороги при первом же гребке, он чувствовал себя по-свойски. Более того – он любил ледяную воду. Да, именно любил, то есть испытывал привязанность

¹⁰ Граница СССР и Финляндии проходила до 1939 года по реке Сестре.

и благодарность. Во многом благодаря ей на пятом десятке в нем клочкотала энергия двадцатилетнего, он мог выдерживать чудовищные нагрузки, он никогда ничем не болел.

Черт возьми, ведь это же так просто. Ведь достаточно любому человеку попробовать окунуться в студеную, по-осеннему черную воду вот такой реки или, что равносильно, в прорубь зимой, и продержаться в этой воде всего несколько секунд, даже после этого он ощутит преображение. Куда только подеваются его утомление, какое-нибудь там колотье в боку или ноющая спина. Что-то там в организме всенепременно откупоривается, выпуская наружу те силы, что обычно дремлют, пропуская в тело болезни и старение. Казалось бы, простой рецепт не дать себе одряхлеть раньше времени, но мало кто ему сможет последовать. Потому что для этого, как и для многого другого, если не для всего вообще, надо преодолеть свою трусость, боязнь поступка, рабскую психологию и обыкновенную лень.

Переплыть ноябрьскую реку для него труда не составило. Еще с четверть часа пришлось провести в береговых зарослях, потому что ему почудилось движение на берегу. Конечно, он околел, но растерся спиртом, сделал несколько глотков и привел себя в норму. И знал, что последствий переохлаждения не будет. Такой ерундой его не возьмешь.

Потом – марш-бросок от Сестры до Лисьего Носа по лесам в обход погранзастав, жилых поселков и проезжих дорог, двигаясь главным образом просеками и тропами. В овраге в полукилометре от поселка он дождался шести утра. Переодевшись, закопав походную одежду, мешок и не пригодившийся «Лахти-35»¹¹, он появился в темноте на улицах просыпающегося поселка и направился, присоединившись к обитателям Лисьего Носа, спешащим на работу в город, к месту остановки пригородного «паровика»...

Сейчас в размаривающем тепле и под монотонный перестук он то и дело начинал клевать носом, но погрузиться в сон ему удавалось всего на какие-то секунды. Подскоки «паровика» на рельсовых стыках, покачивание из стороны в сторону на неровностях полотна, гул вагонных разговоров и смех, – все вместе и поочередно выбрасывало его из сна. К дреме в вагоне тоже надо иметь привычку, а он три года не то что не пользовался железной дорогой, но и не видел рельсов, не слышал паровозных гудков.

Он поправил сползающий с коленей портфель, потертую, с исцарапанным металлическим замком обязательную принадлежность совслужащего. Кем он, собственно, в данный момент и является. Что подтверждает лежащее во внутреннем кармане пиджака удостоверение инструктора Областного дома работников просвещения. В том же кармане – серпастый и молоткастый. В паспорт рукой Ирмы Валлиайнен были вписаны его нынешние имя, отчество и фамилия – Курьянов Николай Федорович. Сорока двух лет, холостой, русский, место рождения – деревня Бернгардовка Ленинградской области. Да, он узнает эту руку. Нежную, аккуратную и умелую руку курносой хохотушки Ирмы, работающей у Меландера в отделе изготовления документов, с которой у него три года назад случился короткий роман. Это было, разумеется, до того, как он принял предложение Меландера уйти в глухую консервацию, жениться на финке, поселиться на глухом хуторе и ждать приказа.

Но даже Ирма и тем более его финская жена Хельга не знали его настоящего имени – Навроцкий Денис Александрович. Граф Навроцкий. Который тайно путешествует с паспортом на Курьянова, вот такие метаморфозы, господа. В Финляндии его настоящее имя известно лишь полковнику Меландеру. И то полковник называл его всегда по тому имени, под которым он жил в Суоми. А сколько же у него всего было имен? Лень пересчитывать...

– Я, грит, из водолазов, – рассказывал парень, занявший его место у окна, и дергал кепку за козырек. – Налили двести. Он хлоп и с коней. Какой там, к собакам, водолаз!

¹¹ Пистолет финского производства, удачная композиция конструктивных решений Люгера, Бергмана, Баярда и Браунинга.

«Быдло, я еду в страну развитого хамства, победившего быдла. О возвращении в которую я мечтал двадцать лет». Под эту думу он взглянул за окно. И сразу узнал места, мимо которых пыхтел их «паровик». Там бежали перелески, крыши деревянных домов, сады, огороды. Они подъезжали к Озеркам. Ему вспомнились летняя дача, три озера, катание на лодках, грибное половодье, стихи Бальмонта, прелестное, воздушное создание Софочка, юношеское томление первой любви, объяснение в грозу под дубом. Где вы теперь, Софочка, куда вас забросила судьба, что она с вами сделала? Где вы все теперь, друзья юности, те, кто хотел стать поэтом, офицером, роковой красавицей петербургского света? И за вас тоже покрываюсь с большевиками как смогу, давно я этого ждал.

– Щас подморозило, клюкву прихватило, самое время ее брать, она сладину дала, – доносилось из-за спины.

Столкнуться с петербургскими знакомыми он не боялся. Не только потому, что их не должно было остаться, ибо не к тому классу они принадлежали, чтобы, даже решив остаться в одной стране с большевиками, дожить до тридцать девятого. Еще и потому он не боялся неожиданных встреч, что признать в нем того двадцатилетнего юношу, каким он навсегда уехал из Петербурга, смогли бы разве мать с отцом, будь они живы, голос крови подсказал бы. Остальные – не узнают. Скажем, если его нечаянно увидит дворник их дома на Гороховой, или их кухарка Анфиса, или ее сын. От того астенического и мечтательного юноши не осталось ничего – ни во внешности, ни во взгляде, ни внутри.

Не признал бы в нем сейчас того ищущего смерть юношу поручик Ирбеньев, с которым они пробирались на Юг в Добровольческую армию генерал-лейтенанта Деникина. Не узнал бы в пассажире «паровика» того длинноволосого, усатого командира сотни, запомнившегося в неизменной венгерке и папахе, Нестор Иванович, батька Махно. А жив ли сейчас батька? В тридцать четвертом еще был жив, после этого ничего о нем не слышал...

Никто, он уверен, и из польских товарищей по оружию, с которыми он выгонял из Полонии красного упыря Тухачевского, рубил в капусту его красноармейцев, не сказал бы сейчас, что на скамейке пригородного поезда сидит никто иной, как бородатый «пан Толек», отличавшийся беспощадностью и отчаянной храбростью.

Не сумели бы опознать его и американские знакомые, даже американские полицейские, которые имели полное подробное описание его внешности. А они до сих пор его ищут, все-таки он властями штата Огайо приговорен к смертной казни по обвинению в убийстве. Он сбежал тогда из полицейского автомобиля по дороге в центральную тюрьму штата, закованными в наручники руками разбросав конвоиров, и вернулся в Европу в трюме сухогруза.

Не узнал его однажды и друг детства Вовка Набоков, с которым их столкнула судьба в маленьком ресторанчике в Ницце. Он тогда специально подсел к нему за столик. Не узнал, а хотя как писатель должен обладать незаурядной наблюдательностью... Отец Набокова, как и Навроцкий-старший, был кадетом, состояли в партии Милюкова. Они дружили семьями. Но если отца Набокова застрелил в двадцать втором в Германии монархист, успешно делающий сейчас при Гитлере карьеру, то его отца расстреляли в первые дни большевистского переворота так называемые революционные матросы. На следующий день умерла от сердечного приступа мать...

Да и доведись каким чудом оказаться сейчас рядом с ним его финской жене Хельге, с которой он расстался всего-то позавчера, не взглядевшись как следует, она тоже бы не узнала мужа в сутулящемся, опустившем плечи мужчине, напялившем на себя плохо пошитое, мешковатое черное пальто. Ее ввела бы в заблуждение и черная шляпа, ведь ее супруг не носил головных уборов, только в морозы надевал шерстяной вязаный подшлемник...

– Он взялся уплотнить свой рабочий день, – повысил голос кто-то из стоящих в проходе. – Еще полгода назад зарабатывал шесть рублѐв в день, нынче гребет семнадцать.

Начальников цехов перевели на сдельно-премиальную. Слышь, им начисляют по двум показателям: количество и себестоимость.

Навроцкий поймал на себе пристальный взгляд. Ранее дремавший на противоположной скамье гражданин в ватнике, открыл глаза и изучающе уставился на него. Лучше тебе так пристально не смотреть, подумал Навроцкий. Рисковать он не имеет права и если почувствует малейшую опасность, то вынужден будет ее устранить. Нет ничего проще. В толчее при высадке «паровика», когда все будут отпихивать друг друга, достаточно одного движения рукой и гражданина в ватнике толпа вытолкнет наружу уже неживого.

Они проехали Удельную. Он помнил здешние окрестности, какими они были до переворота, но также знал, что и где находится здесь сейчас. И как это именуется на языке большевистских реалий. Скажем, за тем лесом, что остался позади, находится торфопредприятие, называемое в народе «тыр-пыр». А сейчас они поравнялись с Поклонной горой, которую с чугулки не видно. Но он знает, что на ней установлен памятник Сталину и что пролетарский вождь обращен лицом к городу. У Поклонной горы делают кольцо трамваи семнадцатого и двадцать шестого маршрутов. От Удельной до Сосновки простираются поля совхоза имени Первого мая. А в Сосновке базируется военный аэродром.

Он разбирался в новом городе, носящем имя маленького кровавого ублюдка, не хуже его жителей. По крайней мере, если достоверны те сведения, что доставлял ему еженедельно курьер, присылаемый на отдаленный хутор полковником Меландером. В своем кабинете, куда никогда не входила его финская жена Хельга, он наносил на карту города новые здания, дороги, маршруты городского транспорта, предприятия, памятники, сады, вписывал и переписывал названия.

— А мороза мы не боимся, металл выдерживает мороз, выдержим и мы, — произнес над его ухом бодрый голос.

Хам в ватнике, что пялился на него с противоположной скамьи, снова успокоено задремал. Но дремать ему и другим пассажирам оставалось недолго. Под долгий, торжествующий гудок они въехали на Финляндский вокзал...

Глава третья

Не пейте с незнакомцами

*Нам такое не встречалось и во сне,
Чтобы солнце загоралось на сосне,
Чтобы радость подружилась с мужиком,
Чтоб у каждого – звезда под потолком.*

Советская песня

Двух было мало. И вообще Павел понял, что сегодня напьется. Так ведь душа горит! Имеет право.

– Ну-ка, мужички, навалились! Заменяем!

Паша как раз подходил с кружкой для повторения, когда потребовалась рабсила. На пару еще с одним мужиком он перекатил опустевшую бочку, приставил к группе таких же пузатых емкостей, опорожненных за день.

– Бери вот эту. – Носок коричневой туфли стукнул по крутому дубовому боку, громко звякнул на женской щиколотке ремешок обувной застежки. – Ставь на место прежней. Шевелись, войско в штанах!

Голос звучал повелительно – баба привыкла командовать мужиками. Павел давно заметил – торговать пивом шли мало того, что самые бойкие женщины в городе, но также самые языкастые и грудастые. Эту, крепко сбитую, лет возле сорока бой-бабу в неременной синей косынке и белом фартуке, звали Галя, по-простому Галка. Про то знали все завсегдатаи «точки» на углу Муринского и Лесного, к которым Паша принадлежал с недавних пор.

Павел полюбил пропускать кружечку-другую здесь, а не на других остановках. И, в общем-то, не из-за Галки. А нравилось Паше здесь по двум причинам. Во-первых, ноздри ласкал приятственный карамельный запах, плавающий по округе – фабричные корпуса кондитерской фабрики имени Микояна находились сразу по ту сторону железнодорожной насыпи. Во-вторых, здесь, на последней трамвайной остановке Лесного проспекта, пивную торговлю не упрятали пока в «Голубой Дунай»¹², не успели покамест.

И продажа шла в открытую, на всеобщем обозрении, такое мало где в городе найдешь. В том числе и Галка не прикрыта голубыми стенками, вся на виду, любуйся – не хочу.

Но в таком виде «точка» дорабатывала последние дни. Скоро или ее на зиму прикроют, или соорудят-таки ларек. Скорее последнее, потому как иначе будет зазря простаивать возведенный этим летом дощатый сортир.

Чтобы перекантовать новую, полную столитровку, потребовался еще человек. Втроем они, переваливая пивную емкость с боку на бок, установили ее точнехонько в циркульно круглую канавку, продавленную в земле предыдущей бочкой. Галя держала в руках насос, с поршня которого срывались и орошали землю желтые капли.

– Ну-кося, стахановцы, расступились, – Галка занесла насос над бочкой и с одного удара вогнала поршнем пробку внутрь дубовой «толстухи». – Ты, крепенький, – она подмигнула и улыбнулась Павлу, – закрути мне ворот.

¹² Народное название ларьков, в которых торговали в разлив пивом и водкой, а также кое-какой закуской. На Выборгской стороне, где завод на заводе, ларьки стояли почти на каждой трамвайной остановке.

– Это мы всегда, – игриво поплевав на ладони, Паша взялся за ручки деревянного конуса, укрепленного под насосным краном, и принялся вкручивать его резьбу в бочковое отверстие, как шуруп в стену.

– Давай старайся, первому налью, самый свежачок получишь, – утопив руки в пышных боках, подбадривала Галка добровольца пивного фронта.

– И только-то и всего, что получу? – не прерывая верчения, кокетливо осведомился Павел.

– А ты б чего хотел? – прищурившись, взглянула ему в глаза Галка-«крановщица».

– Ну, как чего? Ласки там, того-сего.

– «Того-сего» у жены попросишь. Много вас таких! Смотри крепче мне закручивай, ишь ты шурик какой!

И, может быть, Паша продолжил бы наступление на любовном фронте, предпринял бы какой-нибудь обход с флангов или иной маневр, может, чего и вышло бы, продавил бы оборону, как поршень бочковую пробку. Но ему напомнили про жену, и враз сдуло все настроение, словно порывом ветра панаму с головы. Сразу вернулось все то, из-за чего после работы он шел сюда, а не домой.

(Если бы Павел знал, что его ждет, то, конечно, задержался бы у неприступной с виду Галки, хоть какое-то время побыл возле разливной бочки, и тогда, возможно, все пошло бы не так, тогда, возможно, под колесами поезда его судьбы и перевелась бы стрелка, и покати́л бы он по другой колее. Но – не перевелась...)

Взяв самым первым из очереди, которая скопилась за время перезарядки, свое «Жигулевское», Паша отошел от погрузившейся в работу Галки. Он поставил кружку на одну из пустых бочек и, давая пене осесть, достал пачку «Стрелы»¹³.

Прежде чем закурить, он в две ноздри вдохнул в себя сладкий запах этих мест. Паша любил карамельный аромат, приползающий с фабрики Микояна в первую очередь из-за того, что тот будил цветастые воспоминания. Однажды у Паши была женщина, но не с этой, а с другой конфетной фабрики, с Крупского, что на Социалистической улице. Маленькая, неугомонная. Грудь ее пахла ванилином, а после ее губ уже не тянуло к шоколадкам. В этот вечер, вот уже под третью кружку Павлу приходили на память все женщины его жизни. Их набиралось не так уж и много. Маша, соседка по квартире и жена водопроводчика Эльяшевича, что приобщила, так сказать... Верка-студентка, родом из города Дно, которая водила его за собой по театрам. Нинка из трампарка, очень ладная женщина. Еще три или четыре, с каждой из которых провел по вечеру, и не был уверен, что правильно помнит их имена, что не спутается. И Павел не уставал удивляться, почему остановился на этой гримзе, которая носит теперь его фамилию. От девичьего, то есть того, на что он купился, в ней осталось только имя – Танька.

Через тягу Паша стал прихлебывать «Жигулевское», от скуки прислушиваясь к разговорам за соседними бочками. Как обычно, пуще всех усердствовал Викентийч, заводила крикливых политдиспутов над пустыми «толстухами». Бравый старик Викентийч из завсегдатаев «точки» был самый главный завсегдатай. Его и так без разговоров пускали вне очереди, но тем не менее он всегда сопровождал подход «за законной» ударами в грудь и громогласным провозглашением: «Я Юденича гонял, мать вашу! Всю мировую провоевал, потом всю Гражданскую! Имею право!» Никто не спорил, хотя среди мужиков постарше нашлось бы немало тех, кто повоевал в Гражданскую. Этим не удивишь. У самого Павла отец, токарь с Путиловского, погиб в первые революционные дни, когда ушел бить генерала Краснова. Но

¹³ Папиросы, не путать с овальными сигаретами «Стрела», появившимися гораздо позже. В то время сигарет у нас вообще не выпускали.

что факт – и это уважали на «точке» – Викентийч ни одного дня не пропускал, после работы – строго сюда. А работал он слесарем на кроватной фабрике, что во Флюговом переулке¹⁴.

Сегодня стихийным политдиспутом били по Финляндии.

– ...А главой правительства станет Куусинен, – что-то объяснял Викентийч.

– Не поддержат, – выразил сомнение незнакомый Паше парень, несмотря на наползающую вечернюю прохладу не мерзнувший в одном пиджаке и водолазке, и утопил губы в пивной пене.

– Да что ты понимаешь! Молодой! Тебе пиво-то пить можно?! Иди в «Молокосоюз», там еще кефир остался. Где ты был, где воевал, а?! А я Антанту вот этим кулаком глушил! – И Викентийч опустил жилистый кулак на дубовый бочечный круг. На свободный от всего круг. Пивные кружки, как только заговорили о политике, предусмотрительно взяли в руки или переставили на другие бочки, те, что подальше от Викентийча. – Не поддержат, ишь ты! Они, финны, только и ждут, когда найдется вождь ихнему пролетариату. Чтобы свергнуть!

– Чего-то долго ждут, – буркнул парень, заметно обиженный на кефир. И посмел добавить: – Я эту «Финскую народную армию» видел на проспекте Двадцать пятого октября, маршировали к Адмиралтейству. Несерьезно выглядят, одежда какая-то оранжевая. И мало их.

Все, кто стоял вокруг, и Паша издали перевели взгляды на бочку, на которую, по их мнению, должен был обрушиться кулак, но Викентийч заговорил вдруг очень миролюбиво, ласковым стариковским голосом, каким по вечерам калякают с любимыми внуками.

– Нынешнее финские заправили, паренек, они ж не дурнее нас с тобой, понимают, что к чему. Народ Антантой запугали, дескать, чуть что французы с англичанами введут войска и всех бунтарей к стенке. Финские верховоды давно предложили себя Антанте, а Антанта давай на радостях обхаживать финнов, как ту девку. Им же интересно подобраться к Советскому Союзу, в двух шагах – в двух шагах, так твою! – Викентийч в сердцах хлопнул себя по ляжке, – от нас встать! От Ленинграда! От важнейшего города! Нельзя допустить! Особенно англичане усердствуют. Ох, не люблю их. Интервенты. В Гражданскую...

Разговаривающих заглушил паровозный гудок.

– Закурить не будет?

Куртка «москвичка», к ней прицеплен осовиахимовский значок, кепка с резиновым козырьком, а под ней борода. Павел молча вытащил из кармана пачку «Стрелы» и протянул мужику.

Закурив дареную папиросу, мужик бросил на бочку между своей и Пашиной кружками мешочек, похожий на кисет, развязал веревочку, стягивавшую горловину, расширил отверстие, чтобы удобней было доставать сухари. Крупные, ржаные, с белыми вкраплениями соли.

– На вот! От нашего столика вашему.

– А чего, сухаревичи – это дело, – Павел потянулся к угощению. Мешочек лежал на обрывке афиши с прилипшей к ней чешуей (кто-то до них тоже закусывал с этой бочки, судя по всему – воблой), лежал на синих буквах «Ло» и на еще менее понятных обрывках слов. Но Паша мог воспроизвести текст дословно, не только потому, что афиша с неделю висела на тумбе, которая стоит на трамвайной остановке и двести раз была им прочитана. А еще и потому, что афиша звала на матч ленинградского «Локомотива» с московским ЦДКА и Паша на него ходил. Наши, кривоногие, чтоб им пусто было, проиграли ноль-два.

«Сухаревичи» пришлось кстати. В отличие от «Голубого Дуная» здесь продавали только пиво, не было ни водки, ни бутербродов с килькой или с яйцом, даже бутербродов с крабами и тех не было.

¹⁴ Ныне Кантемировская улица, на месте кроватной фабрики – завод имени Климова.

– А хорошо тут. – Бородатый, неторопливо, как танк башню, поворачивая голову, обвел взглядом окрестности: насыпь, железнодорожный мост, по которому проползал как раз пригородный «паровик», взбегающий по холму парк Лесотехнической академии, чья желто-красная листва срывалась в последний полет при каждом дуновении ноябрьского ветра, недавно отстроенные дома по ту сторону Лесного, бречащий трамвай с неизменной пацанвой на «колбасе»¹⁵.

– Сам-то редко тут бываю, – признался хозяин сухариков, проведя ладонью по не длинной, но густой, черной бороде. – Вот сегодня приехал в гости к одной, а ее дома нет. Дайка, думаю, с горя пивка дерну.

– А-а... Все они такие, я тебе скажу, – и Паша зло сплюнул на землю, покрытую жухлой травой.

По улице процокали копыта конного патруля, просигналил выезжающий из-под моста грузовик. Викентий кричал обступившим его мужикам, что Лига Наций продаст, потому как буржуйские прихвостни.

Под эту музыку завязался разговор. Паша быстро сошелся с новым знакомым, которого звали Матвей. Конечно, взяли еще.

– Нечего время терять, – сказал тогда Матвей и достал из кармана чекушку. И Павел с ним согласился.

«Белая» вливалась в «Жигулевское» и дело пошло скорее. «Ерш» сумел расплавить свинец на Пашином сердце.

– Вот ответ мне, борода, чего им, бабам, надо? – спрашивал Павел у нового друга, спустя какое-то время, когда угол Лесного и Муринского уже плыл в его глазах по мутным волнам.

– Да они сами не знают. Потому как дуры...

Паше все больше и больше нравился его новый приятель Матвей.

Потом, когда уже стемнело, когда закрылась пивная «точка», они приканчивали из горла вторую чекушку из карманных запасов Матвея.

Потом они шли парком к общежитию Лесотехнической академии, где у Матвея были две знакомые студентки. Очень веселые, гостеприимные девахи, которые всегда рады Матвею и его друзьям. Дорога качалась, а под ногами шуршали листья. Вокруг было тихо и темно, а на душе – упоительная легкость. Ноябрьские заморозки приятно остужали голову.

Паша раньше иногда задумывался, а как интересно он будет умирать. В муках не хотелось. Вот хорошо бы, как Михеич, чья голова попала в «гильотину»¹⁶. Вжик – ты ничего не понял, а тебя уже нету.

Паша умер быстро. Лопнуло что-то в груди слева, и голова закружилась, как при прыжке с парашютной вышки. Вращение перешло в бешеный вихрь, который, словно «волшебный фонарь», прокрутил ему прощальные картинки. Паша не представлял, что его двадцатисемилетняя жизнь может ужаться в одно мгновение. Но она ужалась: Отец подстригает перед зеркалом усы, оглядывается и подмигивает ему. Мать со спины, она шьет, ее нога давит на педаль «Зингера». Он с братьями возит по полу корабли из сосновой коры. Вот он продает на толкучке стереоскоп, мимо ветер несет клочки газет и листовки. Артель «Промкоопмет». Подзатыльник старого слесаря Елисей Данилыча, «Деталь, пострел, спешки не любит». Вот он входит в дверь ФЗУ с зажатой в кулаке справкой, что работал подручным слесаря с тарифной ставкой по пятому разряду. «Красная заря». Станок-кормилец. Врезающаяся в заготовку фреза. Заводская агитбригада «Синяя блуза», пирамида «Восход нового дня», на его плече ножка, обтянутая трико, его взгляд поднимается выше... Свадьба. Танька

¹⁵ «Колбаса» – сцепка позади трамвая, на которой ездили безбилетники.

¹⁶ Здесь: имеется в виду станок для разрезания металлических листов, а не французский аппарат для смертной казни.

хохочет и проливает на свадебное платье стакан с «Мукузани». Пивная «Красная Бавария», ему выбивают зуб. И почему-то явился Викентьич с пенной кружкой в руке. И все погасло...

Глава четвертая

Капитан госбезопасности

*А теперь настало время –
И закончился поход,
Я с винтовкой боевою
Охраняю наш завод.*

Слова народные, опубликованы в «Правде» 23.02.37.

Сергей потянул цепочку ходиков. С мелодичным потрескиванием гирька поехала наверх. Потревоженная движением цепи часовая шестерня заставляла мелко подрагивать стрелки: маленькую – на цифре семь, большую – на цифре шесть. Рабочему дню было дано ритуальное начало.

Сергей повернул голову к окну, за которым еще не рассвело, как никак середина ноября. Темноту разрезает лишь отсвет фонарей Литейного проспекта.

Возле окна скрипнул стул, принимая на себя командирский вес. Командирский локоть уперся в край стола, найдя свободное место среди холмов из бланков, газетных вырезок, книг служебного пользования и книг простых, конвертов с сургучными блямбами, исписанных листов всевозможного формата. Чиркнула бензиновая зажигалка – и над командирской головой взвился первый клуб неизменной «Пушки»¹⁷. Командир поднес к глазам первый лист, покрытый черными карандашными линиями. Он приступил к изучению ночных сводок.

Сергей опустил на стул с такой осторожностью, словно тот был начинен динамитом. Придвинуть его к своему столу он не решился. Опоздал, значит, жди. Жди, замерев, дыши через раз и так до того момента, пока командир не поднимется со стула и что-нибудь не скажет. Эх, вздохнул про себя Сергей, скорее всего, опять услышишь нечто вроде «Увы, Сергей, подавить на массу не удастся, нам снова в бой» или «Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал».

Из-за двери в соседнюю комнату не доносилось ни звука, там тоже притихли до поры.

Командир перевернул лист, его глаза побежали по второй странице, исписанной тем же почерком, что и первая. Почерком дежурившего ночью Андрея Лезина.

Опа, первый лист лег на стол поверх толстой амбарной книги для записи привходящих документов. Кто ж не знает, что это место для попаданий «в молоко». Сбитый щелчком пепел «Пушки» упал в жестяную коробку из-под чая.

Командир взялся за второй лист. Глаза побежали по разбитому на абзацы тексту. Что там сегодня приготовила ночь вместе с Андреем Лезиным, подумал не отрывающий взгляда от начальника Сергей? Ничего «как срочное» Андрей вроде бы не пометил, не видно строчек, обведенных красным карандашом. Что, впрочем, ничего не значит. У командира не глаза, а двадцатикратный бинокль, он за ничего из себя не представляющими мелочами может разглядеть такие дали, что дух захватывает. Одна только мысль о командирских способностях вызывала у рядового суеверный трепет.

Застыла отведенная в сторону рука с дымящейся папиросой. Сергей увидел, как заиграла кожа на скулах повернутого к нему в профиль командира. Оно. Командир заходит на цель.

Недокуренная папироса полетела в «чай-пепельницу».

¹⁷ Марка советских папирос.

– Эх, Андрей, Андрей... – чуть пружиня при ходьбе, командир быстро шел к Минакову, задумчиво и недовольно покачивая головой. Его кулак сжимал свернутый трубкой второй лист ночных донесений и шлепал им по ладони другой руки.

Костяшки командирских пальцев уперлись в стол, за которым сегодня и всегда сидел рядовой Минаков. Сергей вскочил, ожидая приказаний.

– Сергей, коммутируйте меня, – движение выскобленного до синевы подбородка в сторону черного аппарата, – со Сталинским УГРО.

– Слушаюсь, товарищ капитан, – и Сергей потянулся к телефону.

Уже год он, рядовой войск НКВД Минаков, работает под началом товарища капитана и никак не может привыкнуть к командирскому «выканию». Никто другой Сергея на «вы» не называет, и никогда к нему так не обращались. И при каждом новом «вы» он невольно вздрагивает, как от слабого электрического разряда. И охватывает недоумение, смешанное с беспокойством – как это командир не боится, что его могут обвинить в подражании фасонам старого режима.

А «товарищ капитан» уже открывал дверь в соседнюю комнату.

– Полундра, бойцы! Все на палубу линкора.

Пока те, кого вызвали, перебирались из помещения в помещение, командир принес от вешалки, где одиноко висела Минаковская шинель, стул, поставил в торце стола и сел на него, забросив ногу на ногу. А Сергей как раз дозвонился до Сталинского УГРО, до дежурной части.

– С вами сейчас будет говорить капитан госбезопасности¹⁸ товарищ Шепелев. Кто у аппарата? Как? Еще раз.

Под его говор собрались и окружили командира на стуле все обитатели соседней комнаты, они же все те четверо, кто вместе с рядовым Минаковым и капитаном госбезопасности составляли второй особый отдел НКВД. Лейтенанты госбезопасности Омари Гвазава и Тимофей Рогов, младший лейтенант госбезопасности Андрей Лезин и сержант госбезопасности Лев Коган. Об их званиях сегодня, в отличие от иных дней, легко было догадаться – они явились на службу в форме. Не по прихоти или стовору, а только потому, что на сегодня назначены были строевые занятия. Не всегда удавалось командиру спасти ребят и работу от политучебы и строевой. И работа на эти часы вставала. Сам для себя он добился освобождения от строевой подготовки, и френч с тремя «шпалами» в петлице надевать доводилось редко. Но и ему никак невозможно было избежать политучебы и партсобраний.

– Товарищ капитан, – Сергей протянул командиру трубку, а, увидев, что черный негнущийся шнур натянулся, еще и пододвинул телефон. – На проводе дежурный по отделению старшина Ивинцев.

Командир прикрыл микрофон ладонью.

– По ночному убийству в Лесотехнической, Андрей.

Тот, на кого взглянул командир, Андрей Лезин, младший лейтенант с внешностью киноактера, пожал плечами:

– Да обыкновенная уголовщина. Мелкая причем. Не наш.

– Ну, ну, – и командир переключился на телефонный разговор. – Здравствуйте, старшина. Капитан госбезопасности Шепелев. Кто сейчас в отделении из тех, кто ночью ездил на труп в Лесотехническую? Ну и отлично. Позовите к аппарату вашего Ивана Нестерова. И прошу вас, старшина, действовать быстро.

Командир отставил трубку в сторону, вновь повернулся к Лезину.

¹⁸ В госбезопасности НКВД звания на два ранга превосходили звания в РККА. Капитану госбезопасности по положению на 1939 год соответствовали полковник, полковой комиссар, военинженер 1 ранга, военврач 1 ранга, военветврач 1 ранга, интендант 1 ранга, военюрист 1 ранга.

– Андрей, вам не показалось странным, что у убитого при себе не нашли никаких документов?

Для разнообразия Лезин на этот раз не стал пожимать плечами, а посмотрел, видимо, в поисках авторитетной поддержки, на портрет Дзержинского, не слишком ровно укрепленный над столом Минакова и на коричневой раме.

– Обычное дело. Взяли, чтоб затруднить опознание.

– А не показалось вам странным, что убитый по всем признакам в момент убийства находился в состоянии сильного алкогольного опьянения?

На это Лезин лишь улыбнулся. Не говорить же о том, что ему даже не кажется странным другое – полстраны ежедневно напивается до неслабого алкогольного опьянения.

– И при этом его зачем-то зарезали, хотя достаточно было ткнуть несильно по башне, и он весь твой с потрохами. А? – Командир провел взглядом по четверке подчиненных. Видимо, отыскивая на их лицах отношение к этим «странным» фактам.

Грузин Омари Гвазава решил не оставлять своего приятеля Андрея Лезина один на один с дотошным командирским опросом. И сказал, сопроводив слова резким взмахом руки:

– Люди разные бывают, зверей полно. Зарэжут просто так и будут спать спокойно.

– И зачем-то пытались закопать, – гнул свое капитан.

– Что ж тут необычного? – снова заговорил Андрей. – Пытались скрыть труп. Но кто-то вспугнул, бросили все и убежали.

– Андрей, я... Извините.

Услышав, что телефонный эфир ожил, командир снова прижал трубку к уху.

– Алло, добрый день. Капитан госбезопасности Шепелев. С кем я говорю? Иван, по времени убийства определились? Примерно между десятью и одиннадцатью вечера? Личность убитого не установили? Не оправдывайтесь, я понимаю, что работаете. Что выяснили? Только, очень прошу, коротко. Какой характер ранения? Даже так. Вы лично осматривали труп? Что скажете об убитом?

Командир долго молчал, слушая, не перебивая вопросами. Что на него было непохоже.

– Великолепно. Спасибо, Иван. Очень помогли. Так, запишите телефон. Сто семьдесят восемь – двадцать семь. Как появится новый факт, один, любой, самый пустяшный, сразу звоните.

Командир повесил трубку, поднялся со стула и хлопнул в ладоши.

– Живо разбежались по городским. Обзванивать все предприятия, начиная со Сталинского района и дальше по мере удаления. Задача следующая. Выяснить, нет ли среди явившихся сегодня на работу мужчин такого: ростом около ста семидесяти пяти, от двадцати пяти до тридцати пяти лет, крепкого сложения, стриженного наголо. Предположительно, его инициалы «ВІР». Напугать заводских «особистов» так, чтобы на уши подняли все свои цеха. Вперед, действуйте.

Четверо один за другим молча, быстро вышли в коридор. Второй отдел имел в распоряжении один-единственный телефон, и в экстренных случаях приходилось разбредаться по этажу, просить сотрудников других отделов, чтоб дали попользоваться своими аппаратами.

– Сергей, свяжите меня с Дедом.

Сунув руки в карманы, командир принялся вышагивать по свободному пространству комнаты. Его оставлено было не так уж и много: вдоль стен – шкафы разной высоты, красоты и конструкции, но одинаково набитые служебными бумагами, возле двери, в углу – железный ящик для хранения оружия с вензелем купца Рябушинского по центру крышки, у окна – стол и груды папок вокруг.

– Товарищ капитан. Соединяют.

Командир мгновенно оказался у аппарата. Сержант вручил ему трубку.

– Здравия желаю, товарищ старший майор¹⁹. Степан Георгиевич, мне нужен взвод на выезд и саперы. Да, да. Очень серьезно. Да, именно этим и пахнет. Конечно, понимаю.

«Какие саперы? – изумился рядовой Сергей Минаков. – Убили какого-то алкоголика. Небось, чтоб получку забрать. И такой переполох».

Но Степан Георгиевич, видимо, проникся взволнованностью начальника второго отдела и, как понял Минаков, даже не стал вникать, в чем дело, не стал расспрашивать. Конечно, командир заслужил доверие, доказал не раз, но...

– Сергей, – командирский голос вывел рядового Минакова из глубокой задумчивости. – Звоните в гараж. Нашу машину на выезд.

– Слушаюсь, товарищ капитан.

Отдав распоряжение, командир возобновил хождение по комнате. Где, по каким просторам бродила его мысль?

– Запишите, Сергей, в ежедневник... – Задумчивость не помешала начальнику второго отдела заметить, что Минаков закончил недолгий разговор с гаражом. – Иван Нестеров, Сталинское УГРО.

Рядовой записал. На сегодняшнее число это была первая запись. Страничка вчерашнего дня заканчивалась приказом, два раза по требованию товарища капитана подчеркнутым красным карандашом: «Минакову – срочно! Наведение порядка на вверенной ему территории! Невыполнение – гауптвахта, десять суток!»

– Толковый парень этот Иван Нестеров. Нам обещали еще одну штатную единицу, надо будет иметь его в виду.

Сергей понимал, что командир сейчас говорит вслух сам с собой, а не с ним.

– В подошвах сапог убитого он нашел глубоко вонзившиеся в них металлические опилки. – Капитан подошел к дверному проему в соседнее помещение, над которым висел портрет Ленина. Задрал голову, посмотрел на вождя. – На запястье обнаружил неотмытые капли машинного масла. На пальцах рассмотрел мелкие ссадины и порезы, свежие и зажившие, какие получает работающий на станке. И сделал правильный вывод, что человек трудился на заводе. – Начальник второго отдела провел пальцем по стене возле плаката «Даешь третью пятилетку!», повернулся и пошел размеренным шагом к окну. – Унюхал ведь еще, стервец, что картуз убитого насквозь провонял табаком, а одежда нет. Что означает, сказал Иван, одежда висела в шкафчике в раздевалке, а головные уборы на какой-нибудь особой вешалке в помещении, где играют в домино в обеденные перерывы и курят без конца. Ишь, как глубоко копает. Если не приписывает себе чужих заслуг. Ладно, придет пора, поговорим, разберемся, что за парень.

Один из комнатных шкафов имел стеклянные дверцы, по левой командир принялся водить пальцем.

– Татуировка «ВПП» должна обозначать инициалы убитого. Никакого другого объяснения у меня нет. Буду очень удивлен, если это не так. А убили нашего рабочего с одного удара в сердце. Еще одна игрушка на елку. Как Андрей проглядел такое невообразимое стечение странностей. – Капитан отошел от шкафа, и Минаков прочитал то, что вывел на стекле командирский палец «Пыль. Пр-во тов. Минаков». – И особенно то, что убитого хотели закопать не с документами, а без них.

К двери товарищ командир обернулся, услышав топот по коридору, и ждал, когда она откроется. Она распахнулась, в комнату влетел Тимофей.

– Есть, – выдохнул он. – Завод «Красная заря». И инициалы сходятся. Вершинин Павел Романович. Фрезеровщик.

– Беги за остальными, выезжаем.

¹⁹ Звание старшего майора госбезопасности соответствовало таким званиям РККА как комдив, дивизионный комиссар.

Тимофей нырнул в дверной проем, а командир достал из кармана связку ключей и направился к купеческому ящику. Отомкнув, выдернул из дужек замок, вырвал веревку из сургучного сгустка, упрятого в углублении печати типа «гитара» (этих «гитар» в свое время вырезал Минаков из липовых чурок тьму, на весь этаж, для всех сейфов, ящиков, шкафов) и откинул крышку железного сундука.

Сергей предполагал, что купчина Рябушинский до того, как получил по заслугам, хранил в этом ящике награбленные у трудового народа сокровища. А сейчас второй отдел держал в нем наиболее секретные документы и табельное оружие сотрудников.

Первым в комнату вернулся Лева Каган, первым извлек свой номерной ТТ из крепежей «пистолетницы» (деревянных, с наклеенными кусочками бархата). Пистолет в его тонкой руке подростка-скрипача смотрелся так же, как смотрелась на нем форма НКВД – несуразно. Не вынеся вида формы, пошитой в военном ателье, командир однажды отвел Леву к своему личному портному. Тому, что шил для командира его костюмы, которые все принимали за заграничные. Не помогло и это. Новая форма сержанта госбезопасности все также повисла на Леве, как лохмотья на огородном пугале. «Самое большее, что я смог, лучше не выйдет. Ни у кого не выйдет, клянусь Моисеем, – и старый портной-еврей добавил строго конфиденциально, на ухо товарищу Шепелеву: – Конечно, это не мое дело, но я скажу. По-моему, ваш сотрудник – типичный шлимазл»²⁰.

В помещение второго отдела зашли остальные трое и разобрали оружие. Тимофей по обыкновению выщелкнул магазин, осмотрел, вставил на место. В ладони грузина, похожей размерами и волосатостью на медвежью лапу, «тэтэшник» утонул, потерялся. Омари, как обычно, поглядывал на пистолет с детским обожанием. Андрей забрал свой «Тульский Токарева» последним. А командирское табельное оружие уже давно оттягивало правый карман его плаща.

Ровно полминуты потребовалось подчиненным, чтобы зайти к себе в комнату и выйти оттуда в шинелях. В темно-серое сукно вдавливалась кожа поясных и плечевых ремней, на левом боку у каждого висела кобура под ТТ. Кто поправлял на ходу за лаковый козырек, кто только надевал синюю фуражку с краповым околышем и большой красной звездой на нем.

Оставалось только одно небольшое дельце обрядового характера. Требовалось соблюсти один маленький ритуал. Согласно сложившемуся в их отделе суеверию они оставляли на столе Минакова каждый по личной вещи. Чтоб вернуться живыми и невредимыми. Глупости, конечно, какие-то матросские страдания, но на всякий случай все, включая командира, обряд соблюдали.

Коган положил на край стола крохотный ситцевый мешочек. Все знали, что в нем. Первый выпавший молочный зуб Левы, сохраненной мамой, которая передала его сыну и завещала хранить. Тимофей бросил на столешницу потрепанную колоду игральных карт. Омари оставил ножны от дедовского кинжала. Андрей расстался с аккуратно сложенным носовым платком, на котором можно было заметить красно-зеленую вязь «А. Л.», вышитую любящей женской рукой.

Командир, как и обычно, оставил на столе рядового Минакова маленькую, в полминуты, глиняную фигурку. Вертя в руках забавного коричневого чертика, Сергей однажды обнаружил на подошве фигурки выцарапанные гвоздем или иглой буквы «ПР». Разумеется, ему не пришло в голову спрашивать командира, что они означают.

На прощание товарищ капитан попытался вбить в память рядового железный гвоздь приказа:

– Что я вам обещал в прошлый раз, Сергей? Гауптическую вахту? Замену на расстрел, если по возвращении найду хоть пылинку. И поправьте Дзержинского, криво же висит. А

²⁰ Шлимазл – растяпа (евр.)

то это... – командир щелкнул пальцами, подыскивая слова, – форменная контрреволюция выходит.

И с тем командир и следом его подчиненные покинули комнату с рядовым Минаковым за столом.

* * *

Начиналось рабочее утро и в депо «Ленинград-Витебский» Октябрьской железной дороги. Машинист маневрового паровоза серии «ЭМ», прозываемого за миниатюрность «овечкой», с аппетитным кряхтением опустился на откидную скамью. Достал газету, постелил на колени и принялся выкладывать на нее из сумки свертки с едой. Это была его причуда – завтракать в кабине паровоза. Всем он объяснял, что «прямо с постели кусок в горло не пролезает, а малость опосля, как до работы прогуляешься, уже начинает входить». Но своему помощнику Кирюхе он сознался, что нравится ему принимать пищу именно «среди паровозной обстановки». Шут его поймет в чем дело, но коли по-другому отзавтракаешь, то весь день вроде чего-то не хватает.

– Наше с кисточкой, Митрич, и двадцать с огурцом, – по лестнице прогрехотали башмаки, и помощник Кирюха вбросил себя в кабину, с силой оттолкнувшись от поручней.

– Ты бы шутку сменил, Кирюха, – привычно отозвался Митрич, надкусывая хлеб с салом.

Помощник, он же кочегар, хмыкнул, снимая с котла брезентовые рукавицы.

– Жениться тебе надо, Кирюха, – завел обычный разговор Митрич, попутно пережевывая сало. – Пора. Самое время. А то ходишь как охламон. Нечесаный вон.

– В армию вот-вот загребут, Митрич²¹. Жену опасно одну оставлять, – откликнулся Кирюха, сдергивая с вешалки картуз. – Лучше уж потерпеть до демобилизации.

– Ну, терпи, терпи, – машинист скомкал бумагу, бросил ее к топке, смахнул с колен крошки и с зычным кряхтением поднялся. – Пары давай разводи, бездельник.

Митрич снял с гвоздя закопченный чайник, сделал несколько внушительных глотков, крякнул, будто не вода была в чайнике, а что-то в самом деле серьезное, утер губы рукой и огладил небольшие усы. Усы мастерового, как их называли в то время, когда Митрич только пришел на железную дорогу и еще не знал, что случится революция и что она ничего не переменит в его жизни. Как катался по чугунке, так и дальше будет кататься.

– Вчера котел, небось, кое-как продул, – сказал машинист Митрич, потягиваясь. Было известно, что он скажет потом: – Смотри, Кирюха,ждемся пережогов.

Кирюха поднял с пола лопату, пристально осмотрел черенок, нет ли трещин, а то сломается в неподходящее время, стервоза, и остался доволен осмотром. Насвистывая мелодию, прицепившуюся вчера в кинотеатре «Искра» на просмотре кинофильма, куда он водил Дусю, деповскую «башмачницу», Кирюха стал готовить топку к работе.

– Опять вчера на собрании подбивали, чтоб я ходил под большим клапаном, увеличил форсировку аж до сорока восьми килограммов и гонял тут, как наскипидаренный, – бурчал Митрич, осматривая основание дымогарной трубы и почему-то качая головой. – Нет уж, дудки. Как давал сорок километров, так и буду давать. Вот уйду на слом, тогда становись машинистом, называй паровоз комсомольским и жарь все пятьдесят в час. Пока не наврешься на кривой.

А среди сочно-черных осколков угольных пластов, приготовленных для топки, был сегодня один особый. Большой. Но больших и без него хватало. Иногда даже попадались такие здоровые кусманы, что их приходилось крошить кувалдой на металлическом полу

²¹ Всеобщая воинская обязанность была введена в Советском Союзе 1 сентября 1939 года.

кабины. Только опытный глаз мог бы отличить этот особый кусок от подлинного угля. По отсутствию антрацитового блеска и граням, более округлым, лишенным той безусловной резкости граней настоящих угольных камней. Да и то заметить что-либо можно было, лишь взяв его в руки, да вглядевшись, да вдумавшись. Но никто, понятное дело, не вглядывался и не вдумывался. Вместо этого бесполезного занятия в уголь вонзилось наточенное железо совковой лопаты, подхватило, что легло на совок, и швырнуло в разогретую топку. Большой, неправильный кусок на лопату не попал, он лишь чуть сместился. И продолжал смещаться дальше в такт взмахам лопаты. Когда наступит его черед сгорать в топке, сказать было затруднительно. Но должен был настать рано или поздно, должен...

Глава пятая

По пропуску и без пропуска

*Бригада нас встретит работой,
И ты улыбнешься друзьям,
С которыми труд, и забота,
И встречный, и жизнь пополам.*

Песня из к/ф «Встречный» (1935)

С той стороны ворот лязгнуло раз, лязгнуло два, железные черные створки с рельефами звезд разошлись, и грузовик, в кузове которого в такт колесам покачивались серые солдатские шинели, зажатые между ног винтовки и синеверхние фуражки, въехал на территорию завода «Красная заря». Вслед за ним вкатила «эмка», но в ней сидел один шофер. Те же, кто вместе с шофером проделал в «эмке» путь от Литейного проспекта до проспекта Карла Маркса, уже прошли на завод через проходную. Они покинули автомобиль перед заводским КПП. Вошли, толкнув дверь с сильной возвратной пружиной, прогрохотали по доскам узкого прохода, невольно заставлявшим людей двигаться гуськом, и напугали вохровцев через окно контролера своими удостоверениями и приказом открыть ворота для пропуска двух служебных машин. Потом один за другим они преодолели снятую для них со стопора «вертушку». Из домика КПП выбежал, застегивая на ходу пуговицы синей вохровской куртки, упитанный мужчина с кривыми кавалерийскими ногами.

– Начальник караула Дятищев. – Вохровец козырнул и щелкнул каблуками сапог, а взгляд его забегал по прибывшим в поисках старшего. Взгляд, понятно, обеспокоенный. А вдруг что-то произошло по вине вверенного ему караула? Не приведи господи...

– Капитан госбезопасности Шепелев, – кивнул ему среднего роста человек, единственный из прибывших, кто был в гражданской одежде.

Звание подействовало, как бронебойный снаряд действует на танкетку – прошибло насквозь. Начальник караула почувствовал, что земля не такая уж устойчивая штука, что удержать тело на двух ногах – задача не из простых. Сердце колтыхалось так, будто в его стенки кто-то лупил, требуя выпустить.

– Проходная одна? – как глас из преисподней, прозвучал для Дятищева голос капитана госбеза.

– Еще ворота. Но там только... эти... машины... – не без усилия ответил за начальника караула его речевой аппарат.

– Утром никого не могли там впустить? Случается такое? Только честно, Дятищев. Мне наплевать на ваши мелкие служебные прегрешения, но, если вы мне сейчас соврете, то... – покачал головой дорогой незванный гость.

– Нет... никогда, тов-арищ капитан, – начальник караула волевым усилием заставлял слова покидать онемевшее горло. – Очень строго...

– Во сколько началась смена?

– В семь тридцать.

– Никто не пытался после ее начала выйти с предприятия? Под каким-нибудь предлогом?

– Нет. Мы бы... это...

Капитан не стал дожидаться, пока Дятищев закончит фразу. И так все ясно. Потому как обыкновенный режим предприятия, имеющего оборонное значение. В семь тридцать с нача-

лом утренней смены проход на завод прекращался, с этого момента опоздавших препровождали в караульное помещение, где у них отбирались пропуска, вызывался начальник цеха, в котором работал нарушитель труддисциплины, и составлялся протокол. Покинуть завод, начиная с семи тридцати, можно было только по увольнительной, подписанной начальником цеха. Получить же увольнительную рабочий мог, наверное, в одном-единственном случае – в случае внезапной болезни.

– Обедать еще ни у кого не могло быть, только без четверти девять, – повернулся он к сопровождающей его четверке. Потом снова к начальнику караула: – Хорошо. Возвращайтесь в караульное помещение и звоните в первый отдел. Скажите, кто приехал. Пускай захватят план завода и бегут сюда. Сами оставайтесь в караулке. Свободны!

И Дятищев, не сдержав облегченного вздоха, убежал.

– Значит так, товарищи, – капитан Шепелев оглядел своих подчиненных. – Омари и Тимофей – дуйте к грузовику. Поставьте по солдату ко всем входам-выходам каждого здания. Даже к нужникам на улице, если таковые имеются. Никого не впускать и не выпускать. Оружие держать в боевой готовности. Саперы пусть ждут в машине. Андрей, поговорите с вохрой здесь и на воротах, может, будет какая-нибудь зацепка. Лева, останетесь со мной.

Тимофей и Омари бегом рванули к грузовику, Андрей направился обратно на КПП, а Лева поправил на переносице пенсне и ждал распоряжений командира. Они последовали.

– Лева, встретите особиста и проследите, чтобы не мешал. Пускай дожидается в стороне, пока не позову.

Командир повернулся и пошел в направлении двери КПП, из которой рабочие попадали на завод и из которой он сам только что вышел. Вот нынешние действия командира Лева были понятны. До поры до времени, а именно до поездки в «эмке» он, сержант госбезопасности, как и остальные ребята, пребывал в недоумении. Зачем они едут на завод, да еще в придачу в сопровождении взвода солдат с саперами? Что такого страшного случилось? Ну да, соглашался Коган с командиром, слушая его телефонные переговоры в комнате, есть странности в убийстве, но все они по милицейской части. Следа от вражеских разведок, простите, не видать. И Лева успел тогда огорчиться: вот значит и до их командира добралась шпионская лихорадка, теперь и они будут ловить призраков, видеть в каждом углу лазутчика. Жаль, подумал Лева, что командир – такой человек! – и тот не устоял.

Так он и продолжал думать, пока с переднего сидения «эмки» командир не разъяснил ситуацию. «Лучше перестраховаться, – сказал капитан Шепелев, – чем потом объяснять, почему ты не перестраховался. А убийство в Лесотехнической мне катастрофически не нравится. Смотрите сами. Решились на убийство хоть и пьяного, но молодого и сильного парня. Уже настораживает. Хотя легко объясняется тем, что парень был настолько пьян, что не казался страшным. Тогда зачем пускать в дело нож? Нестыковочка. Но едем дальше. Убийца, выходит, из тех людей, кто таскает в кармане финку. Вор на мокрое дело не пойдет. Блатняк помельче может зарезать из-за кошелька, согласен, может. Но не станет делать этого без необходимости. Потом не будет закапывать труп, а сразу смоемся подальше. И документы утащит с собой только в том случае, если они в кошельке. На шпану совсем не похоже. Эти поодиночке не ходят и нож выхватывают из-за голенищ, когда не получается одолеть в драке. А драки не было. Может, нам следует искать простого, свихнувшегося от выпитого человека, случайно увидевшего кошелек с деньгами в руках покойного ныне парня и у которого завалялся в кармане ножик? Допустим. Но, товарищи, как я вам всегда говорю, предполагайте худшее и успокаивайтесь, если только факты опровергают ваши невеселые предположения. Вот почему и стал звонить в Угро, выяснять подробности. И вдруг слышу в телефонном аппарате от товарища Ивана Нестерова, что молодого человека убили с одного удара ножа точно в сердце. Очень умело убили».

Командир прервался, чтобы опустить боковое стекло и закурить. Потом продолжил: «Итак, предположим худшее – действовал агент вражеской разведки. Зачем ему документы? Обзавестись советским паспортом? Смешно. Другое дело, конкретный пропуск конкретного предприятия. И зачем все-таки убивать? Мне видится единственное объяснение – проникнуть на территорию завода один-единственный раз, на короткое время. По-другому, кстати, и не получится. И что же это у нас выходит в результате? Вот именно, диверсия. Кто опровергнет мои умозаключения?»

Кто-то, может быть, и хотел бы попробовать оспорить доводы командира, но вот успеть не смог – они подъехали к «Красной заре».

И теперь, наблюдая за командиром, Лева понимал, что тот делает. Капитан встал перед дверью КПП и закурил. Точно также должен был поступить агент. Даже если тот, что маловероятно, был знаком с планом завода, то ему все равно надо было осмотреться на месте. Какой предлог для того самый естественный – да, остановиться закурить.

Агент прошел на предприятие по чужому пропуску, разумеется, без затруднений. Если бы контролеры сверяли фотографии на развороте документов с лицами трудящихся, то придержали бы вереницу трудящихся перед заводом до обеда, а к вечерней смене сошли бы с ума.

Командир, хлопав карманы, достал пачку «Пушки», уронил ее, поднял, после прикурив не с первого раза, провозившись с зажигалкой. Конечно, согласился с командиром Лева, так и должен был действовать агент. Не торопиться. Торопиться он будет потом, а, впервые ступив на территорию «Красной зари», надо как следует оглядеться, выбрать правильное направление, чтобы не пришлось возвращаться. И почему командир сейчас не спешит – это тоже Лева понятно. Командир не то что перевоплощается, а хочет попасть в такт с проходившим через это КПП несколько часов назад человеком, а там, глядишь, и попасть с ним мыслью в мысль.

Что же агент видел? Прямо напротив КПП – огромное коричневое здание, какой-то цех с маленькими, грязными, зарешеченными окнами под крышей. Дорога, берущая начало от КПП, как бы разбивающаяся об это здание на два асфальтовых рукава. Один уходил влево к автомобильным боксам, расположившимся вдоль заводской ограды в два человеческих роста высотой с колючкой поверху. Второй забирал вправо, вел к другим заводским корпусам.

Командир, дымя «Пушкой», двинулся направо. Конечно, согласился Лева, диверсант пошел бы именно туда с полноводной утренней толпой, там больше возможностей для маневра. Налево к гаражам сворачивало немного людей, лишь шофера да автослесаря. Посторонний человек там сразу привлек бы внимание, тем более неизвестно чем заканчивается ряд боксов, не утыкается ли тупиком в поворот заводской ограды?

Лева двигался с командиром параллельным курсом, держась от него в стороне, продолжая параллельные размышления. Пропускной режим, действовавший на «Красной заре», должен быть известен агенту не хуже, чем ему, Лева Когану. В любой, неважно какой цех, чужой человек мог попасть с трудом. У цеховых дверей сидела на стульчике табельщица, следила, как входящие опускают в учетную урну пропуска. В цехах работало не так много людей, чтобы, видя их каждый день, не запомнить. Тем более она со всеми ежедневно здоровалась, при входе рассматривала. Случись чужой, уверенно входящий внутрь, да еще опускающий пропуск в прорезь, это бы непременно насторожило табельщицу. А главное, сам чужак не пошел бы на такой риск – быть ухваченным глазастой бабой за руку, которая прилипла бы с вопросами, а то и сразу подняла бы хай. Ах да, чуть не хлопнул себя по лбу Лева. Он, сержант Коган, не подумал о том, о чем командир, конечно, подумал сразу же. Сообщение о том, что на работу такой-то не выходил, означает, что такой-то не опускал свой пропуск в ящик табельщицы.

А если табельщица вдруг отлучилась? Нет, соваться в цех – велик риск попасться. Мужики всех своих знают. И чужой мужик, который не в раздевалку идет, а бродит меж станков вызовет вопросы вроде «Эй, ты кто? Чего ищешь?» И до разоблачения остается один шаг.

Командир тем временем дошел до угла коричневого здания. Прошел мимо размещенного там бетонного куба в окружении невысоких елочек, чью хвою покрывал бурый налет, – казалось, елки ржавеют. «Ай-яй-яй, – подумал Лева, – чем мы дышим на наших заводах!»

Из бетонного куба – командир прошел мимо него, не удостоив взглядом – выступали арматурины, выкрашенные в красное. На них держался плакат: улыбающийся Сталин приветствует взмахом руки трудящихся и подпись «На трудовой подвиг!» Заглядевшись на вождя, Лева чуть отпустил командира, пришлось догонять почти бегом.

Приближение к углу цеха и повороту дороги справа открыло взгляду аккуратное двухэтажное строение из красного кирпича. Ясно, что там разместилось правление. Подтверждая эту догадку, из дверей выскочил худой человек в полувоенном френче с фуражкой в руке. Косолапя, он заторопился к командиру, к товарищу Шепелеву. Помня приказ, Лева двинулся навстречу, скрещая над головой руки, словно останавливал поезд. Запыхавшийся товарищ наткнулся на сержанта Когана, надел фуражку на редкие белесые волосы, вгляделся в петлицы. У товарища было изможденное лицо, иссеченное оспой, рыбы глаза и отвислые губы.

– Товарищ сержант, – пробежавшийся товарищ никак не мог совладать со сбившимся дыханием, а в его горле бурлили хрипы завязтого курильщика. – Я – начальник особого отдела Изкинд. План завода вот принес, – он показал свернутый в трубку лист. – Что случилось?

– Товарищ Изкинд, – Лева поправил пенсне и постарался придать голосу начальственную строгость, – мы проводим операцию на территории вашего завода. Там, – он показал большим пальцем себе за спину, – капитан госбезопасности товарищ Шепелев. Когда потребуется, он скажет вам, что делать. А пока следуйте за мной!

Сержант Коган оглянулся, и тут же выяснилось, что пока никуда следовать не требовалось. Командир, остановившись неподалеку от входа в цех, поставив ногу на край цинковой урны, перешнуровывал ботинок. Значит, командир не сомневается, что диверсант поступал так же, в очередной раз решив оглядеться перед следующим шагом. Отсюда открывались взгляду корпуса других цехов, подсобок, складских помещений. Там, где заканчивалось здание, возле которого сейчас шнуровал ботинки командир, утренний рабочий поток должен был дробиться на людские ручейки, огибающие группу из кривых яблонь-дичков и растекающиеся к строениям разных габаритов и предназначений.

И тут Лева совершенно внезапным образом пришла в голову крамольная мысль, что никакого диверсанта, скорее всего, нет. Потому что он взялся из ничего, из воздуха. Рабочих, которые гибнут от рук уголовников вечером и по этой причине наутро не могут выйти на работу, хватало и до сегодняшнего дня. И не менее, а даже более подозрительные случались истории, а вот командир ухватился именно за нынешнюю. Тогда что же означает поведение командира? Все поездки на завод, эти саперы, эти игра в перевоплощение в диверсанта? Командир хочет показать начальству, что они работают?

Наверное, осенила Леву догадка, командир получил выговор от начальства, и ему потребовался этот спектакль, чтобы показать – его подразделение находится в полной боевой готовности. Молниеносно реагируют по малейшему подозрению. Пускай сегодня мимо, но при такой бдительности случись настоящий диверсант – они его не пропустят. Да, заключил Лева, теперь все встает на свои места.

Высекая искры из асфальта подковками на сапогах, пробежал боец с винтовкой на плече и свернул к цеховой двери занимать пост.

Из двери правления, у которого уже встал часовой, попыталась выйти женщина в синей косынке с чертежными рулонами под мышкой, но была не очень вежливо и очень решительно водворена солдатом обратно. Вдали показалась приметная фигура Омари Гвазава, он шел в сопровождении нескольких солдат, указывал пальцем на заводские объекты, и бойцы, отделяясь от группы, направлялись к ним поодиночке. Омари остановил какого-то рабочего в спецовке, что-то сказал ему, после чего рабочий развернулся и, качая головой, двинулся в ту сторону, откуда пришел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.